

О. З. Кандауров

КОКТЕБЕЛЬСКИЙ МАГ

В 1994 году со съёмочной группой TV мне удалось побывать в Коктебеле. Директор Волошинского музея, знавший М. С. Волошину и много беседовавший с ней о хозяине дома, характере Волошина, его сильных и слабых чертах, о не подлежащих широкому разглашению интимных частностях их совместного бытия, посвятил нас, чувствуя наше расположение к личности великого поэта, в эти оставшиеся неопубликованными сведения. Мы имели в процессе съёмок и подготовки к ним допуск ко всем без исключения уголкам обширного строения, ко всем вещам, библиотеке, картинам, рисункам и фотографиям, скульптурам, ритуальным предметам, зачастую носившим характер как бы настенных украшений, декоративного

убранства дома. Кроме того, я жил в том самом доме (бывшая дача Пра), где гостил в 1925 году около месяца у Волошина Михаил Булгаков. И сложилась следующая картина из разрозненных свидетельств этих источников.

В Россию из-за границы накануне октябрьского переворота приехал и был зафиксирован здесь Высшими Силами один из крупнейших духовных мастеров Европы. Оцениваемый сугубо по стихотворной лирике, занимавшей довольно скромное место в его грандиозной по размаху деятельности, он получил в профанно-полуинтеллигентском сознании (и масс-медиа как их полномочном трансляторе) место поэта второго, а то и третьего плана: в советские времена хамский псевдо-авангард задвинул его ещё глубже. Считалось, что он разбрасывался (в силу “малой даровитости”) — и швец, и жнец, и на дуде игрец; этакий розовощёкий турист-бонвиван, маменькин сынок “без определённых занятий”.

Тайная жизнь духовного мастера осталась скрытой для профанов, а те, кто знал, помалкивали, пряча от ГПУ подлинное лицо всероссийского интеллигентского благодетеля и гуманиста размаха и уровня Ганди и Тагора. Витгенштейна и Швейцера. В 1923 году в его заповеднике нашли приют шестьдесят человек, в 1924 — триста, в 1925 — четыреста. А сколько пользовались этими благами в дореволюционное время? И скольких он спас во время кровавой усобицы?

В знаменитом Планерном по соседству учились летать будущие воздушные асы; рядом, как выясняется, была не менее мощная школа асов духовных.

Получив в Париже орденовое посвящение, Волошин был равным собеседником и другом таких корифеев духовной культуры, как Эдуард Шюре. Папюс, Поль Седир, Бургонь, Морис Метерлинк и Эмиль Верхарн. Он стал одним из лучших русских

учеников Рудольфа Штайнера, и дорнахский дух братства сумел, как огонь, занести и в Россию.

Коктебельский “дядька Черномор” руководил из своего далека интеллектуальным сопротивлением режиму и каждый новый духовный самородок в скудной пустыне моря житейского встречал как личный себе подарок. Он отметил, выпестовал и вывел на орбиту целую плеяду поэтов и прозаиков — достаточно вспомнить имена М. Цветаевой, М. Кузмина и О. Мандельштама. Как художественный критик Волошин не имел себе равных; исследование «Аполлон и мышь» характеризует его как одного из выдающихся русских мифологов и культурософов, достойного ученика Вячеслава Иванова. Он был блистательным переводчиком, а его этюд об Э. Верхарне является образцом в жанре духовной биографии. Занимавшиеся рядом с ним работой по переносу мировой духовной культуры на русскую почву В. Брюсов, К. Бальмонт и А. Белый не вынесли высоты орденской дисциплины: первый был наркоман, оба других пьяницы. Только Волошин стоял непоколебимо как скала, стоял, пока хватало сил. Пятнадцать лет он почти в одиночку держал фронт.

Макс входил в группу русских эзотериков, которых объединил журнал «Вестник теософии». Мало того, его знания трудов Е. П. Блаватской и Станислава де Гуайты, Сент Ив д'Альвейдра и Папюса, Э. Шюре и Р. Штайнера, Э. А. Уайета и П. Седира были уникальны; книги перечисленных авторов на французском языке, коим Волошин владел в совершенстве, были в его библиотеке и все до единой прочитаны (среди нескольких сотен томов я не нашёл ни одной неразрезанной книги). Именно эта литература находилась в личном кабинете Максимилиана Александровича на антресолях масонского храма-мастерской, куда допускались только ближайшие ученики (там, в скрытом живописной панорамой Карадага чердачном отсеке, он прятал преследуемых от врагов).

Как только всё написанное Булгаковым было мастером прочитано и тем самым наведён мост между двумя великими душами и умами, вход в *святая святых* стал открыт духовному ученику и желанен ему. Знание французского языка упрощало общение с трудами классиков эзотерики, тем не менее материал оказался настолько необычаен и настолько велик, что без Вергилия-Волошина было не обойтись. Правда, уединяться с хозяином дома приходилось крадучись, не привлекая ничьего внимания (а без сексотов, вероятно, не гостевалось). Понимая, что он под присмотром “недрёманного ока”, Макс играл роль чудака, балагура, затейника; на людях был ровен и любезен со всеми, да и Булгакову выдавал информацию как “болтовню о курьёзных раритетах”, не зная, куда в ближайшем будущем повернёт руль его индивидуальных настроений. И только взгляды, намёки о вечном, созерцание звёздного неба со смотровой площадки коктебельского дома могли подсказать разумному ученику “кто есть кто” на Земле и на Небе. Как это тяжело — транслировать истину, что требует от проповедника максимальной отдачи, сквозь сурдину недомолвок и умолчаний! В этом случае всё решает готовность слушателя и его желание истиной овладеть. — «Имеющий уши — да слышит».

Булгаков всё схватывал на лету. Навык к глубокому у него выработали ещё отец и друзья и коллеги отца. Страсть к оккультному подогревалась атмосферой духовной свободы и независимости, в которой Булгаков воспитывался. То он пробовал на зуб гадания (ходил по молодости к гадалке); то испытывал “на прочность” спиритизм (а знакомых — на легковере). “Он был очень суеверен!” — определила первая жена. — Неправда. Перед нами другой фрагмент из её же воспоминаний: “Мы на Новый год гадали, воск топили и в мисочку такую выливали. Мне ничего не вышло — пустышка, а ему всё кольца выходили. Я даже расстроилась, пришла домой, плакала, говорю: «Вот увидишь, мы разойдёмся». А он: «Ну что ты в эту ерунду веришь!»” (12; 107).

И правда что — ерунда.

Булгаков думал о важном.

В уцелевшей тетради с обрывками первой редакции Романа страницы, озаглавленные «Материал», показывают, что с самого начала развития замысла появились две центральные темы, волей и фантазией автора сопоставляемые и противопоставляемые: “На страницах «Материала» к роману им отведены специальные листы, озаглавленные «О Боге» и «О Дьяволе»” (3; 296).

В бумагах Булгакова фиксирован в виде выписок или просто заметок для памяти весь цвет европейской эзотерики. Помимо вошедшего в окончательный текст Романа “чернокнижника” Герберта Аврилакского встречаются имена Калиостро и Нострадамуса, Казановы и кабалиста Пико делла Мирандола, Жана Вира (Иоганна Вейера), Якова Брюса и Жана Бодена (Волошинского любимца), Лео Таксиля и русского его пропагандиста М. Орлова, автора широко известной монографии «История сношений человека с дьяволом» (Спб, 1914), последние главы которой являются переводом-изложением книги Ж. Батая (Лео Таксиля) «Дьявол в XIX столетии».

Хрестоматийный Сен-Жермен, популярный за счёт Пушкинской «Пиковой дамы», буквально “окружал” собой автора МиМ; посвящённые вместе с Еленой Сергеевной пушкинистами в своё элитарное братство, они часто в годы работы Булгакова в Большом театре погружались в атмосферу оперы Чайковского, любимой им за мистику Сен-Жермена. Ситуация усугублялась «Брюсовым календарём», подаренным М. А. сестрой жены Ольгой Бокшанской.

Не забудем также Гофмана и Одоевского, с чьим творчеством Булгаков связан тысячами самых разных нитей, в том числе и интересом к магии, кабалистике и оккультизму.

В качестве маргинальных курьёзов автор МиМ собирал сонники, книги по спиритизму, хиромантии и астрологии; в конце концов, накопилась изрядная коллекция.

Однако, прежде всего фундаментальные вопросы духовной культуры занимали мысли Булгакова, оттого и разговор между учителем и учеником зашёл по существу.

Во-первых. *Бог есть*. Поэтому Он может быть познаваем, как познаваема всякая реальность независимо от уровня её материальной агрегатности.

Во-вторых. Познание Бога отнюдь не демистифицирует Его; оно демистифицирует сумму человеческих мнений и представлений о Нём, основанных на недоумениях, недоразумениях, непонимании или прямой фальсификации жрецов, паразитирующих на функции посредников и “полномочных представителей Бога на земле”.

В-третьих. Никакого “Противобога” или “Чернобога” в Небесах нет и быть не может. Бог един, и вся Вселенная пронизана Его единой волей. Вместе с тем материальная структура Универсума существует в полярном разделении, помеченном условно знаками плюс и минус, и напряжение взаимодействующих друг с другом полюсов создаёт драматическое напряжение космического целого. Это тяготение-любовь друг к другу или сообща к Творцу называется Эрос *человечеством биоса* (в первом случае) и Агапе *человечеством логоса* (во втором).

В-четвёртых. Зло — чисто земной феномен; это инерционные силы вещества, противодействующие сущностям, проходящим эволюционный круг с бóльшей скоростью, чем остальные: силы, мешающие вырываться вперёд, т.е., образно говоря, “хватаящие за полу”. Но вторая половина — духовная — всё равно ускользает вверх! Именно это имеет в виду Иешуа Га-Ноцри, говоря о *нити*.

И наконец, два полюса Ведомства МиМ, — Милосердие (Любовь) и Строгость (Справедливость); они же *научение* и *экзаменация*, которые осуществляют половины единого сотворённого существа, называемого Мир — четвёртого элемента за пределами Триипостасности. Чётные числа дуальны: квадрат “разламывается” на “две стороны”, на первую и восьмую горизонталь шахматной доски Мира с мгновенной азартной состязательной оппозицией.

Шахматная доска — «дар Шамбалы», по выражению русских эзотериков, является одним из мощнейших эзотерических ключей: 8 на 8 клеток: восемь по вертикали — число Бога Отца: восемь по горизонтали — 8-й аркан Тарота. Справедливость (Правосудие) — прерогатива Князя Мира сего, экзаменатора Сатанаила. Христос, благословляющий человечество раскинутыми руками, реализует обе эти силовые линии.

Дюрер, причастный к мудрости розенкрейцеров, изобразил в своих гностических штудиях такой квадрат. Потребовалось ещё несколько столетий, чтобы довести чтение этой схемы до полной внятности.

Таковы пять основных гностических позиций; с ними познакомил Волошин своего понятливого ученика в первые же дни стажировки.

Далее наступило время знакомства с основными эзотерическими ключами: системой Больших арканов Тарота; Кабалистическим древом с системой Сефирот; Астрософийным кругом (на основе Дендерского зодиака) и Насиком — шахматной доской, клетки которой являются “домами” 64-х китайских гексаграмм И-Цзина. Числовые значения слов; буквенные перестановки, или так называемое темурах-прочтение; нумерософийные смыслы цифр, чисел и цифровых соединений — все эти таинства открыты Булгакову человеком, от кого веяло мудростью,

доброжелательностью и всё большей и большей любовью (на одной из акварелей, подаренных ученику, Волошин написал “с глубокой любовью”).

Я держал в руках колоду Тарота, выполненную на основе разработок Этейллы-д'Альвейдра-Папюса; каждая карта снабжена на полях сводом значений (порядковый номер, буква еврейского алфавита, числовое значение, буква латинского алфавита, буква санскрита, соответствующий египетский иероглиф, знак эзотерического алфавита Сент Ив д'Альвейдра, планета или знак Зодиака) — гностическая насыщенность высочайшего уровня. В сопроводительной книге Папюса — объяснение идеограммы каждого аркана и символическое значение иероглифа каждой еврейской буквы.

Этот впечатляющий массив мудрости упорядочен единым древнеегипетским происхождением, о чём ритуально заявляла огромная голова “царицы Таиах”, стоящая в “алтарной” части башни-храма (многokrатно воспетая хозяином дома “царица Таиах” оказалась на поверку изображением совсем другого персонажа египетской истории. Но название за коктебельской головой сохранили прежнее, уже как “цитату из Волошина”).

Рядом по стенам — ласковые черти-габриаки, целый хоровод. Их “домовая” служба подобна присутствию в каждом древнеегипетском жилище скульптурки доброго бога Беса — хранителя домашнего очага, отгоняющего злых духов.

Из таких простых и внятных гностических единиц складывалось у Булгакова понимание символического языка титанов мировой культуры: Данте, Достоевского, Гёте. Мефистофель Гёте и Люцифер Данте не были для него и раньше литературными абстракциями, а теперь стали приобретать чёткость, рельефность, внятность. Вместо пугающей тараканьей мифологии культа, имеющей достаточно прозрачное коммерческое задание, пришла ясная картина взаимодействия правой и левой рук Матери мира, качающей на ладонях дитя-человечество.

Булгаков встал на путь служения истине, и истина уже не отпустила его.

С пушкинским “желанием славы” пришлось распрощаться. Направляемый другим гностическим мастером — В. В. Вересаевым, он исследовал пушкинскую жизнь до конца и сделал правильный выбор. Истина — единственное, что не предаёт человека, и “сюрприз, который преподнёс роман”, оказался “сюрпризом века”.

Ведомый за руку Волошиным, Булгаков перешёл из тесной гудковской курилки под гулкие своды Великого Гностического Храма мировой духовной культуры. И разогнул спину.

После этого его уже невозможно было согнуть.

Вернёмся в коктебельский ашрам. По безмолвной взаимной договорённости была устроена весёлая “игра прикрытия”. Один из выдающихся русских теоретиков театра философ и культуролог Федор Степун специально противопоставлял лицедейство лицемерию, а актёрскую

конвенционную обманность бытовому коварству и лжи. После революции многие великие умы вынуждены были (за неимением других возможностей изъясняться) писать о театре. Среди них Н. Евреинов. А. Волынский, С. Дурылин. Г. Шпет, И. Лапшин. У Степуна для этого были особые основания — его родной брат был актером МХАТа, и уже во время нахождения старшего брата в эмиграции сделался одним из добрых знакомых М. Булгакова. Даже если тексты Степуна-старшего и не попались на глаза автору «Дней Турбиных», то в беседах со Степуном-младшим могли быть в полноте восприняты в устном изложении.

Прикрытием ему стало актёрство — разнузданное, распоясанное, озорное. Разыгрывались шарады, составителем, режиссёром и постановщиком которых был Булгаков. Макс вместе со всеми с удовольствием участвовал в них как простой актёр. По воспоминаниям очевидцев, спектакль на слово *Навуходносор* выглядел приблизительно так. Сцена первая: таверна; Люба Булгакова (в прошлом танцовщица) отплясывала на столе; поножовщина, мордобой (*на в ухо*); затем к Максиму, в роли восточного деспота, подползал некто и что-то, оглядываясь, шептал (*донос*); финал: Маруся Волошина ходила и орала: “Опять кто-то насорил (*сор и ор*)”. А потом появился Макс, опутанный простынями, — и вдруг взвизгнул, встал на четвереньки и стал жрать траву (т.е. известный факт помешательства Навуходносора) (по 3; 251).

А вот ещё один образчик — на слово «Паноптикум», которое разбили на три части: «пан», «оптик» и «ум» — и в розыгрыше первой участвовал Булгаков, изобразивший польского пана. Целое же представили, выстроив у стены ряд «восковых» и «заспиртованных» фигур; Волошин на этот раз изобразил человеческий эмбрион в банке.

На музыкальных вечерах Булгаков иногда пел. Его коронным номером была эпиталама из оперы Рубинштейна «Нерон» «Пою тебя, бог Гименей». (Купченко В. «Странствие Максимилиана Волошина». СПб, 1996; 396).

О том, что балагурство двух эзотериков было камуфляжным, свидетельствует другой эпизод — начала 30-х годов. “Языческая плясунья” Люба купалась в забавах и розыгрышах, но погружённому в глубинные размышления Булгакову было не до них. “Однажды домработница открыла дверь и бежит обратно: «Любовь Евгеньевна, что делать, Пётр Иванович босой пришёл!» А это Петя Васильев, Петяня, как его звала Любаша, надел прямо на ботинки босые огромные ступни из папье-маше... Люба мне говорит: «Скорей ложись на мою кровать, сейчас Мака придёт!» Я ложусь, она накрывает меня пледом и из-под него торчат огромные босые ступни. Тут откуда-то приехал Михаил Афанасьевич, спрашивает, как дела дома. «Всё хорошо, только вот у Марики что-то случилось — распухли ноги». Он идёт в Любину комнату и видит мои ноги... Ну потом, конечно, он нас очень ругал...” (рассказ М. А. Чимишкиан, 3; 359).

Не удивительно, что, находясь в Коктебеле, никто ничего такого не заметил. Включая Любу. И тайна гностического посева обнаруживается только по всходам в «Мастере и Маргарите».

Но есть и явные следы контакта.

То, что оккультно-эзотерический тематизм был в центре творческих интересов Волошина, теперь, после публикации основного корпуса произведений, не подлежит сомнению. Демонстрирую присутствие Тарота в стихотворении 1917 года:

*“Кто сказал: «Змеёю препояшу
И пошлю»?.. Ликуя и скорбя,
Возношу к верховным солнцам чашу,
Переполненную светами, — себя...”* (13; 64).

Змей, кусающий свой хвост, Уроборос алхимиков, — знак актуальной бесконечности, “круг земной”, “круги своя” Ветхого завета. Именно им препоясан *Маг* 1-го аркана Таро; а над его головой изображена лемниската — знак Абсолютной бесконечности, восьмёрка Бога Отца. Правда, в поднятой руке Мага не чаша, а жезл, но *чаша, меч и пантакль* — символы мастей младших арканов — лежат перед ним на кубе-алтаре (не от этого ли название чаши на ножке — кубок!), образуя цельную концепцию Старших и младших арканов Таро. (Старшие арканы — наподобие музыкальных тональностей (C-dur, a-moll) — мы пишем с заглавной буквы, младшие — со строчной).

О магических способностях Макса свидетельствуют очевидцы: однажды от его присутствия занялась огнём занавеска, отчего чуть не случился пожар; в другой раз он взглядом воспламенил сухую траву на склоне Карадага. Зато когда случайно загорелась дача и катастрофа была неминуема, он волевым усилием усмирил огонь и спас строения. Это свободно-повелительное обращение с огнём перешло в Роман к коту Бегемоту вместе с некоторыми чёрточками Макса: толстый, увалень, добродушный, но ироничный, весёлый, к тому же и литературный критик (“Скабичевский”, согласно подписи в грессбухе Грибоедова).

Конечно, от Мага следовало ждать многого.

И Макс в долгу не остался. В 1918 году появляется стихотворение «Европа», которое при прочтении никогда ни у кого не вызывало знакомых ассоциаций. — А зря. Всмотримся внимательнее:

*“Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышащий, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струющийся, как жидкий хризолит,
Он говорил, указывая тростью:
— Пойми земли меняющийся вид:
Материков живые очертанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.
И вот она — подобная кораллу,
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов, —*

Здесь вздутая, там сдавленная узко,
 В парче лесов и в панцире хребтов,
 Жемчужница огромного моллюска,
 Атлантикой рожденная из пен, —
 Опаснейшая из морских сирен.
 Страстей её горючие сплетенья
 Мерцают звёздами на токах вод —
 Извилистых и сложных, как растенья.
 Она водами дышит и живёт.
 Её провидели в лучистой сфере
 Блудницу, сидящую на звере
 На водах многих с чашею в руке,
 И девушкой, лежащей на быке.
 Полярным льдам уста её открыты.
 У пояса, среди сапфирных влаг,
 Как пчельный рой у чресел Афродиты,
 Раскинул острова Архипелаг.
 Сюда ведут страстных желаний тропы,
 Здесь матерние органы Европы,
 Здесь, жгучие желанья затая,
 В глубоких влуминах укрытая стихия,
 Чувствилище и похотник ея, —
 Безумила народы Византия.
 И здесь, как муж, поял её Ислам:
 Воль Азии вершитель и предстатель —
 Сквозь Бычий Ход Мехмед Завоеватель
 Проник к её заветным берегам.
 И зачала и понесла во чреве
 Русь — Третий Рим — слепой и страстный плод, —
 Да зачатое в пламени и гнев
 Собой восток и запад сопряжёт!
 Но роковым охвачен нетерпеньем,
 Всё исказил неистовый Хирург,
 Что кесаревым вылуцил сеченьем
 Незрелый плод славянства — Петербург.
 Пойми великое предназначенье
 Славянством затаённого огня:
 В нём брезжит солнце завтрашнего дня
 И крест его — всемирное служенье.
 Двойным путём ведёт его судьба —
 Она и в имени его — двуглава:
 Пусть *slavus* — раб, но Славия есть СЛАВА
 Победный нимб над головой раба.
 В тисках войны сейчас еще томится

*Всё, что живёт, и всё, что будет жить:
 Как солнца без нельзя предотвратить, —
 Зачатое не может не родиться.
 В круженьях царств, в самосожженьях зла
 Душа народов ширилась и крепла:
 России нет — она себя сожгла,
 Но Славия воссветится из пепла!” (13; 109-111)*

Стихотворение посвящено некой В. Л. Рюминой, к которой в этом случае и обращена речь “персонажа с тростью”. Кто же этот таинственный **Он**? Поймите! Живой глобус, трость (с набалдашником в виде головы пуделя) — да это же Воланд! Время глубочайших потрясений — и он тут как тут. Сам Волошин называл его *Ангел времён*. Архангелическое достоинство Сатанаила-Воланда для Булгакова сомнению не подлежит, так же как и ангелическое достоинство рыцарей его свиты. Достаточно вспомнить, что Абадонна определяем как *Ангел бездны*, а поскольку у него, начальника охраны Воланда, есть заместитель — Азazelло, то и рыжий крепыш с бельмом на глазу — *ангел* же. Удивление это может вызвать только у профанов, ведь *ангелом смерти* почитался в греческой церкви архангел Михаил. Достоинство — одно, и задача — одна: исполнение *воли Божьей*, разные только функции и “знаки над Ведомствами” (об этом же свидетельствует и тезис православников; “Господь спасает нас наказанием” — при додумывании *кто именно* осуществляет последнее). Кирпич над порталом ведомства Воланда — это тот самый кирпич, который, по словам Мессира, просто так на голову не упадёт. Кроме того, обратите внимание на прямое значение этого знака: Воланд ни в коей мере не вожделеет увеличить количество “висельников, выскакивающих из камина”.

Этого мало. В 1923 году Волошин пишет второй монолог, «Благословение», не менее странный с точки зрения идентификации персонажа, коему он принадлежит:

*“Благословение моё, как гром.
 Любовь безжалостна и жжёт огнём.
 Я в милосердии неумолим.
 Молитвы человеческие — дым.
 Из избранных избрал тебя я, Русь!
 И не помилую, не отступлюсь.
 Бичами пламени, клещами мук
 Не оскудеет щедрость этих рук.
 Леса, увалы, степи и вдали
 Пустыни тундр — шестую часть земли
 От Индии до Ледовитых вод
 Я дал тебе и твой умножил род,
 Чтоб на распутьях сказочных дорог
 Ты сторожила запад и восток.
 И вот вся изменнность земного дна*

Тобой, как чаша, до края полна.
 Ты благословлена на подвиг твой
 Татарским игом, скаредной Москвой,
 Петровской дыбой, бредами калек,
 Хлыстов, скопцов — одиннадцатый век.
 Распластанную голой на столе —
 То вздёрнутой на виске, то в петле,
 Тебя живьём свежуют палачи —
 Радетели, целители, врачи.
 И каждый твой порыв и каждый стон
 Отмечен мной, и понят, и зачтён.
 Твои молитвы в сердце я храню:
 Попросишь мира — дам тебе резню.
 Спокойствия? — Девятый взмою вал.
 Разрушишь тюрьмы? — Вырою подвал.
 Раздашь богатства? — Станешь всех бедней,
 Ожидовеешь в жадности своей.
 На подвиг встанешь жертвенной любви
 Очнёшься пьяной по плечи в крови.
 Замыслишь единенье всех людей?
 Заставлю есть зарезанных детей.
 Ты взыскана судьбою до конца:
 Безумием заквасил я сердца
 И сделал осязаемым твой бред.
 Ты — лучшая! Пощады лучшим — нет!
 В едином горне за единый раз
 Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз.
 А из тебя, сожжённный мой народ,
 Я ныне новый выплавляю род!" (13; 127-128)

“Знатоки” неуверенно определяют его как “монолог в стиле поучений Ягве”. В таком случае становится непонятным отличие этого “Ягве” (лучше сказать Яго) от Сатанаила, выступающего в традиционном амплуа палача и садиста. И тут картину проясняет Е. П. Блаватская, которая в «Тайной Доктрине» прямо называет Иегову Сатаной, подводя под это солидную доказательную базу.

Не забудем, что «Тайная Доктрина» имелась в библиотеке Волошина, была им проштудирована и вошла, судя по всему (в прямом чтении или изложении Волошина), в “гностический банк” автора МиМ.

Итак, перед нами Первый и Второй монологи Воланда, произнесённые им ещё до появления на Патриарших. Что ж удивительного? “Против неба на земле” из зачина Ершовского «Горбунка» (как и многое другое — почти всё) тоже принадлежит Пушкину. Братское сложение сил — фундаментальный принцип адептов духовной культуры. Разве от Гоголя убыло, когда он по-ученически чётко выполнил

учительские указания по воплощению замыслов «Ревизора» и «Мёртвых душ»? Ещё и весело “приложил об коленку” обожаемого наставника: “Бывало спросишь: ну как, брат Пушкин? — Да так, отвечает, как-то всё... Большой оригинал!” Ниже мы увидим, что Булгаков поступил совершенно по-гоголевски.

Если бы великий Макс дождал до создания (пусть не публикации) Романа, он бы с гордостью констатировал, что заканчивал свой творческий путь его подопечный, как Данте (см., напр., 15; 103). Ещё бы! Он сам задал ученику этот грандиозный размах. Более того. Проникновенность и глубина поставили обоих — в равной мере — вне публикационного поля “совейской литературы”, проще говоря, МАССОЛИТа. Учитель привил Булгакову вкус к глубине, но одновременно и “чуждый дух”, по какому вынюхивали врага ищейки режима. Преуспевающий автор, успевший обзавестись коврами и антикварной мебелью, мгновенно попал в “неприкасаемые”; редакторы, издатели и литературные боссы вдруг стали сторониться его как зачумлённого. Он сделался сыном вечности и сразу же — пасынком времени, сыном человечества — и пасынком России.

Зато получил благословение учителя:

*Войди, мой гость, стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шёпот
Не заглушит ни южный ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почётней быть твердимым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я — мы все имели честь
“Мир посетить в минуты роковые”
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России.
Я в эти дни — немой её укор.
Я сам избрал пустынный сей затвор
Землёю добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединенье выплавить свой дух*

И выстрадать великое познание.
 Пойми простой урок моей земли:
 Как Греция и Генуя прошли.
 Так минет всё — Европа и Россия,
 Гражданских смут горячая стихия
 Развеется... Расставит новый век
 В житейских заводах иные мрежи...
 Ветшают дни, проходит человек,
 Но небо и земля — извечно те же.
 Поэтому живи текущим днём.
 Благослови свой синий окоём.
 Будь прост, как ветер, неистоцим, как море,
 И памятью насыщен, как земля.
 Люби далекий парус корабля
 И песню волн, шумящих на просторе.
 Весь трепет жизни всех веков и рас
 Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас. (13; 177-178)

Ныне адресность этого обращения не вызывает сомнений. Просто никто, кроме Булгакова, из переступавших порог коктебельского храма, этих слов не достоин.

Это ещё не всё.

Исследователи почему-то не обращают внимания на мистическое тождество фамилий учителя и ученика: *Вол* и *Bull* (англ.) (М. Булл — так Булгаков подписывал свои фельетоны) в мифологическом смысле одно и то же, а в слове *буйвол* они вообще сливаются воедино. Между тем вол и осёл — первые апостолы Христа, согревшие Его своим дыханием в яслях Вифлеемской пещеры. Когда “иностранный специалист” по эзотерическим рукописям всерьёз заявляет, что он был свидетелем разговора Пилата и Иешуа Га-Ноцри, интересно было бы узнать, а был ли он в Вифлееме в рождественские день и час?

Был, и это легко показать.

Вол — знак созвездия Телец, «созвездия отцов»; *Осёл* — символ Мировой оси; плюс соединительный союз *и* — англ. & (and); в сумме *Вол & Осёл* — вот он, Воланд! А осёл — его символическое животное. Т.е. Воланд-Осёл — один из двух восприимчивых на Земле воплотившегося Планетарного Логоса. — Всё чётко и строго.

Вторая же половина фамилии мастера *шин* — двадцать первая буква иврита (ψ), 21-й аркан Тарота — *Дурак, Сумасшедший*; числовое значение аркана — 300 равно сумме числовых значений букв словосочетания *Роах Элохим* — Дух Господень и потому является его идентификатом. Итак, медленно проявляя подлинное лицо и имя “инженера”, Булгаков внёс начало фамилии коктебельского мага в карнавальные дефиниции “специалиста по магии”. Впрочем, всё получилось так складно не без участия Высших Сил. Вторая часть фамилии помогла.

Есть и ещё одна тайна.

В первом варианте Романа главный герой Булгаковской мистерии — Поэт. Это слово необъяснимо для булгаковедов. Автор МиМ презирал рифмоплётство, не читал стихов, и когда ему в ответ тыкали Пушкина, судорожно кричал, что Пушкин “не стихи”. Вероятно то, что “поэзия должна быть глуповата”, в принципе не устраивало апологета разума (“Без мысли нет литературы”, — любил повторять Булгаков). И вдруг — Поэт, причём в аспекте авторской самоидентификации с героем произведения; это всегда выглядело за пределами логики. — В чём же дело?

Не может быть, чтобы всей душой ждавший встречи с новоявленным наследником Достоевского и Толстого Волошин не удостоил Булгакова ни одним стихотворением. Форма взаимных стихотворных посвящений была очень распространена. Адресатами Волошинских посланий в стихах часто становились не слишком заметные люди; а тут — такая встреча, такая взаимная любовь, и чтобы без поэтического отклика?!..

Опасно доверять прямым “столбовым” указаниям. Чуть прикровенности, две-три “фигуры умолчания” — и таинственная жизнь духа становится трансцендентной для исследователей. Все рассматривают “заднюю сторону иконы” — нет чтобы взглядеться в изображение.

Вглядимся.

И — о чудо! — вот оно, на поверхности.

Мало версифицированное, написанное языком Экклезиаста, разбитое на семь не то строф, не то перикоп стихотворение «ПОЭТУ» (1925).

1

*“Горн свой раздуй на горе, в пустынном месте над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии широко
Душу крылил и качал, междометья людей заглушая.*

2

*Остерегайся друзей, ученичества шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным другом.*

3

*Слава тебя прикуёт к глыбам твоих же творений.
Солнце мёртвых, — живым — она намогильный камень.*

4

*Будь один против всех: молчаливый, тихий и твёрдый.
Воля утёса ломает развёрнутый натиск прибора.
Власть затаённой мечты покрывает смятение множеств!*

5

*Если тебя невзначай современники встретят успехом, —
Знай, что из них никто твоей не осмыслил правды:
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.*

6

*В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемёт вещает о сущности братства —*

7

*Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога” (13; 173-174).*

Конечно, это наставление библейского пророка новозаветному апостолу. Какая глубина! Какая серьёзность!

И что характерно. Перикопы пронумерованы, а заключительное пятистишие специально разорвано пополам. Почему? Конечно, семь — священное, космическое число, и всё же... Посмотрим в Тарот. — Эврика! 7-й аркан *Колесница; Возлюбленный* (6-й аркан) начинает свой путь — вспомним отзыв Волошина о Булгаковском начале. И это не всё. Седьмой аркан семантически и графически идентифицируется с созвездием Большой Медведицы, а медведь — Миша, Михаил. Таким образом, Булгаковская адресность, несмотря на прикровенность, была фиксирована очень чётко. На то и эзотерические ключи, чтобы не раскладывать всё, как абориген, только на поверхности.

Булгаков понял, принял и “зарубил”. Слово Поэт для него вдруг наполнилось новым смыслом. Поэт — это посланник Высших Сил (конечно, речь идёт о поэте-пророке), кто направлен для служения по эту сторону бытия, в отличие от представителей Иерархии, находящихся по ту сторону и лишь иногда фантомно заглядывающих в наш мир.

Потому-то главный герой ранних вариантов МиМ и назывался Поэт. Поэт — всегда подмастерье; только перейдя в пророческое служение, он становится мастером.

В этом гениального ученика просветил и наставил его великий учитель:

*“Когда же ты поймёшь.
Что ты не сын земли,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду — и в тварях, и в вещах — томится
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,*

*Что ты освободитель божественных имен,
 Пришедший изназвать
 Всех духов — узников, увязших в веществе,
 Когда поймёшь, что человек рождён,
 Чтоб выплавить из мира
 Необходимости и Разума
 Вселенную Свободы и Любви —
 Тогда лишь
 Ты станешь Мастером” (13; 95-96).*

И Булгаков стал Мастером. Не тем, который поселён на страницах романа, тот — лунный, не заслуживший света; Булгаков его перерос. Волошин видел солнечность души молодого адепта; он закрепил свое видение 19-ю строками предыдущего посвящения: ведь 19-й аркан — *Солнце!* И Волошин оказался прав.

“Когда он умер, — рассказывала Елена Сергеевна, — глаза его вдруг широко открылись — и свет, свет лился из них. Он смотрел прямо и вверх перед собой — и видел, видел что-то... Это было прекрасно” (3; 482).

Это было видение Иешуа Га-Ноцри.
Ибо только Свет порождает свет.

По материалам книги О. КАНДАУРОВА "ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МИХАИЛА"